

Я помню его глаза... Они в тот день были совсем не похожи на искрящиеся, наполненные предвкушением чего-то нового, какими они были в начале этого сценического пути. «Мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться!» — сказал он тогда, и пошла череда встреч и репетиций, отголоски которых долетали по телефонным проводам в разные концы Москвы... Начало августа, невыносимая жара, он почти каждый день на сцене... Сцене, к которой, по его утверждению, он никогда не стремился. Просто всегда на ней был. В этом — Олег Генисаретский, каким я его знаю. Увлекающийся, стремящийся в приоткрывающиеся ему пространства и двери

Эмилия Страчевская,

этномузыколог
Master of Arts (MA),
Москва,
emilia.strachevskaya@gmail.com

Невидимые нити

и так же стремительно покидающий их... Таким я его застала в Москве в начале сентября.

«Я иду туда, чтобы отказаться», — наотмашь сказал он. Не желая превращать в игру то, к чему склонен относиться, по меньшей мере, серьёзно. Театральная затея стала тонуть в повседневных обязательствах, переговорах, перелётах, бесконечно разрывающих всё на части. Так мы шли в тот день в театр, он — подавленный сомнениями, неопределённостью, я — желанием помочь.

Помню большой старый рояль на сцене, вокруг которого он выписывал полумесяц мерной глухой поступью каблуков. И абсолютно соразмерный сценическому воздуху тембр его

зычного голоса, будто и не было никакого сомнения. Он ходил и говорил, говорил и ходил, иногда поглядывая в записанные от руки наспех отрывки сценария. Пролетали давно знакомые мне истории, слова, интонации, вопросы. Но удивительно радостной была эта сценическая встреча. Встреча со словом прямым и честным, со словом человеческим, со словом обращённым сквозь невидимую четвертую стену — к сидящим в зале здесь и сейчас... Так и очнулись мы с Германом Грековым спустя час, застывшие в недоумении от случившегося театра мысли. И было это на закате октября.

Началась, не скажу трудная, но и не простая работа. Иногда казалось, мы никогда не дойдём до конца. Как желе, действие от репетиции к репетиции то растягивалось, то сжималось. Он продвигался вперёд, а мы не успевали его догонять. «Что это сейчас было?» — удивлённо спрашивали в галёрки светотехники. Это был Генисаретский — ни единого дословного повтора, каждый раз заново, каждый раз по-своему сильно. Одни говорили — это ошибка, другие — это находка, вы только посмотрите, как его рука одиноко вьётся в луче прожектора... Мне же оставалось только соперничать ему, стоящему там, уживающемуся на незнакомом и ещё пока чужом пространстве сцены. «Олег Игоревич, попробуйте здесь остановиться ненадолго, пусть будет тишина, послушайте её, молчите. Дышите, нужен воздух», — и он это безропотно выполнял. А иногда даже требовал прямых указаний к действию. Застывая, превращался в статую, заставляя всех нас замереть от чёткости спонтанно возникших линий. Продолжив движение в двоечника, исправно не выполняющего домашние задания...

«У меня появился режиссёр!» — восклицает Олег Игоревич со сцены. Не позавидую я тому режиссёру, кто попробует тягаться с таким актёром. Благо Греков не выбирал себе героя, и судьба благосклонно свела весьма строптивного философа и склонного к открытому поиску режиссёра, сценарию которого, в конце концов, было «дано время подумать» и отлежаться на сцене до лучших времён.

Одно лишь название «Внутренняя одиссея», отдающее привкусом солёного средиземноморья, чудом или странным стечением обстоятельств сохранилось. А нам, лесовикам, больше по душе родные пейзажи и свобода «быть самими собой», не изображая из себя героев. Быть «себе на уме», в своём самообразе и сквозном самодействии мысли — театре мысли для себя. Там, где сплетаются «свечи и обычаи» счастливого детства и явственные знаки судьбы, а свободный, непреткновенный полёт сменяется неожиданным обрывом. Где бесы поджидают нас пополудни, но грядёт очищение посредством сострадания и страха. Где за тьмой слегка брезжит рассвет, и будто капают сквозь крышу холодные капли осеннего дождя. И воскурят ладан. И слышно радостное: «Я дома!»

Театр мысли для себя — не выставление себя на показ. И действующее лицо тут не герой вовсе. И сцена — не сцена. А поле мыслящего сознания, в убранстве которого и предстоит навести порядок. Одним словом, убраться, отойдя в сторону.

Как поговорится, не пренебрегайте делами повседневности!

Круг замкнулся. За суетой уборки нас ждёт умиротворение. Под звуки старинного инструмента в руках Музы-утешительницы он засыпает. И нисходит покой. Вы же, зрители, остаётесь наедине с самими собой, продолжать движение вперёд, к чистому присутствию и участию, к проращению в свою собственную жизнь.

«Теперь чаще буду убираться и дома, и в своих мыслях», — то и дело доносится из пустеющего зала. Это было 15 ноября 2010 года.